

На правах рукописи

Домшенко Евгения Игоревна

**ЛИЧНЫЙ ФОНД
КАК ПРАВОВАЯ ФОРМА ОБОСОБЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВА
В ЦЕЛЯХ УПРАВЛЕНИЯ ЧАСТНЫМ КАПИТАЛОМ**

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2025

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном научном учреждении «Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации».

Научный руководитель: **Михеева Лидия Юрьевна,**
доктор юридических наук, профессор,
председатель совета (руководитель) ФГБНУ
«Исследовательский центр частного права
имени С.С. Алексеева»

Официальные оппоненты: **Кузнецов Александр Анатольевич,**
доктор юридических наук, профессор
департамента частного права факультета
права ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики»

Заикин Дмитрий Павлович, кандидат
юридических наук

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Московский государственный
юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Защита диссертации состоится 24 декабря 2025 г. в 16 ч. 00 мин.
на заседании диссертационного совета 02.1.007.01, созданного на базе
ФГБНУ «Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при
Президенте Российской Федерации», по адресу: 103132, г. Москва, ул.
Ильинка, д. 8, стр. 2, зал заседаний.

E-mail: dissertation@privlaw.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБНУ
«Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при
Президенте Российской Федерации» <http://privlaw.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук

Алексей Николаевич Жильцов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена следующими аспектами.

Социально-экономический аспект. Присущие социально-экономическим процессам постоянные изменения – неотъемлемая черта современного общества и его экономики. Отсюда следует, что запрос участников экономических отношений на правовые средства, обеспечивающие хотя бы относительный контроль над рисками и планирование будущего развития событий в отношении их имущества, будет постоянным, а процесс совершенствования законодателем их набора и содержания не остановится. Иначе говоря, наличие правовых возможностей сохранения права собственности и уверенность собственника в незыблемости его волеизъявления в отношении своего имущества – это неперемное условие для того, чтобы большие частные капиталы служили источниками инвестиций в российскую экономику. При этом снижению рисков в экономических отношениях должно способствовать наличие механизмов защиты собственности (основных средств бизнеса) как от недобросовестных игроков рынка, так и от произвольных решений властных институтов. К таким правовым средствам относятся разнообразные инструменты обособления имущества, влекущие или не влекущие появление отдельной от учредителя обособленной юридической личности.

Теоретико-правовой аспект. Потребность участников экономических отношений в обособлении какой-либо части своего имущества¹ удовлетворяется в зарубежных правопорядках с помощью различных правовых конструкций: англо-американского траста, французской фидуции, немецкого Treuhand и т. д.

Проводимые в настоящей работе параллели между трастами и функционально

¹ Полагаем, что здесь целесообразно отметить следующее. В настоящем исследовании понятие «капитал» (см. название работы), хорошо знакомое российскому законодателю, использовано в качестве синонима понятию имущества. При этом понятием имущества в широком смысле охватываются и объекты гражданских прав («активы»), и обязательства («пассивы»). Мы же под понятием «капитал» подразумеваем именно объекты в смысле ст. 128 ГК РФ, хотя при управлении обособленным имуществом складываются также правоотношения, в ходе которых формируются определенные обязательства (пассивы), входящие в его состав.

близкими им конструкциями в континентальном праве подтверждают общность их экономической и правовой природы. Единство содержания права собственности не исключает возможности обособления имущества и наделения иного субъекта правовыми возможностями, достаточно необходимыми для управления, с одной стороны, и подчиненными заранее установленным целям или ограничениям – с другой.

Российское законодательство пополнилось конструкцией наследственного фонда сравнительно недавно – в 2017 г., международного – в 2019 г., а личного (прижизненного) – в 2021 г. В силу этого практику создания прижизненных личных фондов нельзя признать обширной.

Конструкция личного фонда требует научного осмысления с точки зрения как возникающих в результате его создания отношений между учредителем, лицами, входящими в органы управления, выгодоприобретателями, так и ответственности фонда перед третьими лицами. Законодатель осознанно не детализировал структуру органов личного фонда, оставив учредителю конкретного фонда возможность выстроить подходящую для него систему управления. В этом будет проявляться автономия воли собственника по отношению к своему имуществу. Задавая отдельные ограничения в виде императивных норм об управлении личным фондом, законодатель преследует цель поддержания личного фонда как формы имущественного обособления в состоянии, способном к достижению целей, ради которых он создается.

При создании личного фонда, как, впрочем, и любой иной конструкции, используемой для управления имуществом в интересах другого лица, высока вероятность возникновения агентской проблемы – конфликта интересов между учредителем личного фонда и его управляющим. Причем такая вероятность тем выше, чем более независимым от учредителя становится фонд при осуществлении своей деятельности и чем больше объем усмотрения у лиц, входящих в его органы.

Значительный научный и практический интерес представляет проблема ответственности личного фонда, его учредителя и выгодоприобретателей перед

кредиторами. Эта проблема условно распадается на три части, выделяемые в зависимости от того, кому адресованы кредиторские требования: учредитель, личный фонд, выгодоприобретатель. Регулируемая специальными нормами ответственность участников отношений, возникающих в связи с созданием и деятельностью личного фонда, должна подчиняться также базовым принципам имущественного обособления, ориентирующим на справедливое решение вопросов ответственности участников отношений по обособлению имущества и способствующим соблюдению баланса между их частными интересами и интересами гражданского оборота. Требуют научно-практического анализа и вопросы соотношения норм о личных фондах (наследственном и прижизненном) и правил об обязательной доле в наследстве.

Все изложенное и обуславливает актуальность темы диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблематика управления имуществом издавна была предметом исследований представителей правовой науки. Автор настоящей диссертации отталкивался от трудов А. М. Бирман, А. В. Венедиктова, М. И. Кулагина, Д. И. Мейера, Г. Ф. Шершеневича, а также современных ученых: З. Э. Беневоленской, О. Р. Зайцева, Ю. В. Кузнецова, Л. Ю. Михеевой, Е. А. Останиной.

В зарубежной литературе вопросы имущественного обособления рассматривались в работах А. Алчии, Д. Баирда, А. Верштейна, Г. Демзетца, Р. Краакмана, М. Линн, Л. ЛоПуки, Г. Манне, Р. Расмуссена, Г. Раутерберга, Р. Сквайра, Г. Триантиса, Г. Хансманны и других ученых.

Одной из функциональных форм обособления имущества является юридическое лицо – как способ ограничить ответственность участников гражданского оборота и упростить обращение активов. При изучении вопросов истории появления и развития, правовой природы, признаков, управленческой структуры, ответственности юридического лица опорой стали работы отечественных и зарубежных ученых: С. Н. Братуся, В. Ю. Вольфа, А. В. Габова, В. П. Грибанова, О. В. Гутникова, А. В. Дозорцева, М. Дженсона, А. В. Егорова,

В. Б. Ельяшевича, О. Р. Зайцева, Н. В. Козловой, О. А. Красавчикова, А. А. Кузнецова, С. Н. Ландкофа, В. В. Лаптева, Д. В. Ломакина, А. Л. Маковского, В. Меклинга, Ю. Э. Монастырского, Р. Т. Мифтахутдинова, И. Б. Новицкого, И. А. Покровского, В. А. Рахмиловича, М. А. Рожковой, К. Ф. фон Савиньи, Н. Г. Семилутиной, Д. И. Степанова, Е. Д. Суворова, Е. А. Суханова, И. Т. Тарасова, Д. И. Текутьева, Е. В. Тычинской, И. С. Шиткиной, Т. А. Шлыковой и др.

При анализе иностранного опыта в регулировании способов имущественного обособления, не влекущих появления отдельной юридической личности, использовались результаты исследований М. Беннета, Е. В. Галковой, М. Гелтера, Р. Гельмхольца, Ш. Грундманна, З. Губера, Д. В. Дождева, Л. А. Дорошенко, Н. Ю. Ерпылевой, И. И. Зikuна, В. А. Канашевского, А. С. Касаткиной, Дж. Коеслера, М. Лау, М. Лупоя, М. Лиминга, У. Маттеи, Дж. Мило, Е. И. Папушиной, Е. А. Папченковой, В. В. Плеханова, Т. К. Примака, М. Пудера, А. Д. Рудокваса, Р. Ситкофф, Я. Смита, Н. В. Соколовой, Е. А. Суханова, Р. Тайлера, Д. Трумана, Д. Уотерса, Р. Финстры, В. А. Фогель, Г. Хеллирингера, Р. Циммерманна, С. Г. Шмидта.

Предпосылки появления в России и назначение конструкции личного фонда раскрыли в своих работах А. В. Демкина, П. В. Крашенинников, Л. Ю. Михеева, Е. Ю. Петров. Важный вклад в понимание конструкции личного фонда внесли работы Д. П. Заикина. Личным фондам посвящены статьи В. О. Вяткина, Е. А. Кириловой, К. А. Корсика, Е. Н. Масленко, Ю. В. Маргулис, И. Е. Рудик, О. А. Терновой, Е. Д. Тимербулатовой. В той или иной степени проблематика личных фондов затрагивается в работах И. С. Бадер, В. А. Белова, Е. Ф. Евсеева, К. А. Михалева, Е. П. Путинцевой, Н. Ю. Рассказовой, О. В. Фрик.

Однако ни в одной из научных работ этих и других авторов личный фонд как родовая категория пока не получил развернутого доктринального описания.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – применение теории обособления имущества и ее закономерностей к модели личного фонда по российскому праву.

Для достижения поставленной цели решались следующие **задачи**:

- 1) дать общую характеристику регламентации правовых форм имущественного обособления;
- 2) провести сравнительно-правовой анализ регулирования функционально схожих отношений по управлению имуществом в системах англо-американского и континентального права;
- 3) выявить специфику регулирования отдельных российских правовых форм имущественного обособления;
- 4) установить общие черты, присущие различным формам имущественного обособления;
- 5) выявить специфику и проблематику отношений, возникающих в связи с созданием личного фонда, *de lege lata*, смоделировать и теоретически обосновать их *de lege ferenda*.

Объект исследования – гражданско-правовые отношения, возникающие в связи с созданием и деятельностью личного фонда, т. е. между учредителем личного фонда, личным фондом и его выгодоприобретателями, а также между перечисленными субъектами и их кредиторами.

Предмет исследования – применимые к его объекту действующие и утратившие силу нормативные правовые акты, регулирующие различные формы имущественного обособления в России и зарубежных странах, правоприменительная практика, а также соответствующие доктринальные источники.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем научно обосновывается авторский подход, согласно которому цель законодательного регулирования личных фондов состоит в защите интереса индивидуума в обособлении его имущества. Предложенный подход позволил решить научную задачу по поиску вариантов ответов на неурегулированные законодателем вопросы управления и ответственности в конструкции личного фонда.

Установлены функционально схожие иностранные конструкции: англо-американский траст, его международная модель, французская фидуция,

германское доверительное управление. Показана специфика таких форм имущественного обособления по российскому праву, как простое товарищество, инвестиционное товарищество, договор доверительного управления, паевой инвестиционный фонд. Установлены их общие с личным фондом черты. Выявленные параллели являются важной предпосылкой для понимания функционала, с одной стороны, и рисков, с другой, новой отечественной правовой конструкции – личного фонда, а, как следствие, для развития регулирования и правоприменительной практики в сфере управления частным капиталом.

Теоретическая и практическая значимость исследования. В работе предлагается модель регулирования деятельности личных фондов, рассмотренная в контексте реальных правоотношений. С этих позиций задается система управления ими. Результаты, полученные в ходе работы, могут быть использованы при совершенствовании правового регулирования данных отношений, в правоприменении, в преподавательской деятельности и научных исследованиях.

Нормативную основу исследования составили акты российского и зарубежного законодательства, относящиеся к тематике исследования – правовым отношениям и функциональным формам имущественного обособления, в том числе к личным фондам.

Эмпирическую основу исследования составили материалы российской и зарубежной правоприменительной практики, связанной с вопросами обособления имущества в целях управления частным капиталом, в том числе уставы созданных по российскому праву личных фондов.

Теоретическая основа исследования. Диссертационное исследование основывается на работах по теории гражданского права, в том числе корпоративного права, сравнительно-правовых работах в сфере частного права, а также исследованиях, посвященных проблемам обособления имущества для целей управления частным капиталом.

Методологическая основа исследования. В ходе работы использовались такие общенаучные методы, как описание, сравнение, анализ, синтез, обобщение,

классификация, а также исторический, сравнительно-правовой приемы юридического исследования и формально-логический, телеологический и систематический виды толкования.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Общими чертами известных мировым правовым порядкам форм имущественного обособления (англо-американского траста, международной модели траста, французской фидуции, германского доверительного управления) выступают:

- разделение собственности и управления;
- ограничение ответственности тех участников правоотношений, которые имуществом не управляют (учредитель и бенефициары);
- «прикрепление» притязаний третьих лиц к личности управляющего, выступающего стороной обязательств и ответчиком.

2. Выявленные закономерности позволяют сформулировать принципы имущественного обособления: во-первых, степень «экранированности» обособленного имущества от требований кредиторов, не связанных с этим имуществом, должна различаться в зависимости от степени публичности и доступности информации о факте обособления; во-вторых, не должно существовать такой модели обособления, которая бы обеспечивала сильное защитное обособление для имущества учредителя, если последний продолжает осуществлять контроль над обособленным активом, из управления которым проистекают кредиторские притязания.

3. Одно из ключевых отличий российского личного фонда от траста заключается в том, что имущество, передаваемое учредителем личному фонду, принадлежит последнему на праве собственности, и учредитель, а также бенефициары личного фонда не имеют никаких вещных прав на имущество фонда. В этом проявляется согласованность конструкции личного фонда с континентально-правовой традицией отрицания разделенной собственности.

4. Изменение режима ответственности собственника, т. е. «экранирование» части его имущества как результат имущественного обособления наблюдается в

ситуации, когда собственность в экономическом смысле¹ отделяется от контроля (управления ею). В личном фонде такое отделение выражается в том, что заданные учредителем правила управления не подлежат изменению как ординарное действие без весомых на то причин (изменяя их, учредитель принимает на себя определенную степень риска стирания «экрана» между обособленным и своим личным имуществом, что должно предупреждать учредителя от излишнего вторжения в дела фонда и злоупотребления правом на изменение правил управления).

5. Решением или, как минимум, смягчением агентской проблемы применительно к личному фонду являются заранее продуманная система управления и установление четких правил, в соответствии с которыми фонд управляет переданными ему активами. Выбор экономическим собственником в качестве приоритетной стратегии воздействия на агентскую проблему контроля за агентом приводит к нивелированию «экранированности» имущества, обособленного через конструкцию личного фонда.

6. Права субъекта интереса в отношении обособленного имущества, в том числе право на получение информации, относящейся к этому имуществу и действиям с ним, составляют комплекс прав, в рамках которого неразличимы имущественные и неимущественные права. Этот тезис относим не только к

¹ Оговорка «в экономическом смысле» имеет принципиальное значение для описания рассматриваемой ситуации. Как пишет И. В. Горбашев, «должник отвечает перед кредиторами всем своим имуществом, поэтому ограничение ответственности (или риска) полноценно возможно при отделении части имущества, на которую могут претендовать кредиторы, но такое отделение требует нового собственника» (Горбашев И. В. Критика экономической теории юридических лиц // Предпринимательское право. 2021. № 4. С. 18–29). Приведенный тезис, по нашему мнению, справедлив как применительно к правовым порядкам, не знающим разделенную собственность, в том числе к российскому, так и к системе английского права, где трастовое имущество, хотя и не обладает свойствами отдельной юридической личности, но с позиции общего права учредителю или бенефициару траста не принадлежит. Остается верным, что лишь при условии **внешнего разрыва принадлежности** капитала прежнему собственнику обособленное имущество защищено от требований кредиторов этого прежнему собственника (учредителя обособления). Собственником в позитивном смысле он не является, однако «доходы от обособленного имущества направляются именно на его благо» (Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус дестинаторов частно-полезного фонда // Вестн. гражданского права. 2021. № 5. СПС «КонсультантПлюс»). Из этого мы осмелимся именовать такое лицо собственником экономическим.

личному фонду, но и к любым иным ситуациям, когда одно лицоверяет (передает) свое имущество в управление другого лица и обладает правом на получение выгод от такого управления. Право на получение информации представляет собой предпосылку, необходимую для реализации выгодоприобретателем фонда его положения относительно фонда (в частности, реализации права на получение имущества и ex post контроля за действиями органов управления).

7. Выступая единственными субъектами интереса в отношении имущества, обособленного посредством создания личного фонда, учредитель и выгодоприобретатель должны признаваться обладающими правами, направленными на защиту их интереса в судебном порядке, вне зависимости от их наличия или отсутствия упоминания о таких правах в уставе личного фонда. Учредитель вправе косвенно инициировать оспаривание сделок фонда через органы фонда, состав которых он вправе изменить. Ограничение такого изменения, установленное учредителем в уставе, не должно пониматься как невозможность реализации изменения по иску учредителя в судебном порядке.

Право на возмещение убытков, вызванных нарушением условий управления личным фондом, должно принадлежать выгодоприобретателю вне зависимости от закрепления этого в уставе, как минимум, после смерти учредителя. Иск выгодоприобретателя легально сконструирован как прямой: в законе говорится об убытках, причиненных выгодоприобретателю (не фонду), а следовательно, они возмещаются напрямую процессуальному и материальному истцу.

8. Специальным балансиrom, установленным законодателем для смягчения риска злоупотребления конструкцией личного фонда, выступает субсидиарная ответственность фонда по долгам учредителя, которая наступает без вины и лишь в пределах определенного периода времени. Это предусмотренный законом частный случай отождествления формально-юридически разделенных лиц. Пресекательный срок (относительно небольшой), в течение которого названная ситуация может существовать, уравнивает то, что для наступления субсидиарной ответственности фонда не требуется вины, что превращает эту

ответственность в способ распределения рисков, связанных с имущественным обособлением.

9. Личный фонд, осуществляя юридическое господство над своим имуществом, действует в рамках цели и правил, сформулированных его учредителем. Допущение обратного – «подчиненности» права собственности личного фонда на обособленное имущество по отношению к праву того лица, на благо которого осуществляется управление или чьей волей задана цель управления, – открывает аргументацию, приводящую к нивелированию «экранированности» имущества личного фонда, что отчасти подрывает смысл этой конструкции. Специфичность права собственности фонда в отношении переданного ему имущества обусловлена лишь фикцией конструкции юридического лица как таковой. За любой фикцией стоят реальные личности, интересы которых определяют деятельность созданной ими конструкции, особенно если целью является управление частным капиталом.

10. Передавая свое имущество в личный фонд, третье лицо совершает действие по обособлению этого имущества в целях, ранее сформулированных учредителем личного фонда. Такое действие обходит общий законодательный запрет на соучредительство при создании фонда (исключение из указанного запрета – супруги-соучредители). Возможность личного фонда безвозмездно получить имущество от любых третьих лиц открывает для его учредителя возможности для использования данной конструкции во вред своим кредиторам, так как он, не становясь юридическим собственником такого имущества и, как следствие, не отвечая им перед своими кредиторами, получает это имущество в свое экономическое господство.

11. Учреждение личного фонда – это прижизненная сделка собственника, поэтому никакие правила о наследовании к ней неприменимы. Поскольку личный фонд не выполняет никакой социальной функции помимо тех, которые прямо предписаны ему учредителем, постольку нет и не может быть исключения из имущества фонда обязательной доли наследников учредителя. Такая корректировка подхода законодателя к институту обязательной доли является

приметой изменения политико-правового и социально-экономического взгляда на этот институт. Автономия воли наследодателя при определении судьбы своего имущества на случай смерти, хотя по-прежнему не является полностью безусловной, свободной от требований обеспечить интересы наследников, имеющих право на обязательную долю в наследстве, становится все более значимой для правопорядка.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность полученных в ходе исследования результатов обусловлена его теоретической, нормативной, эмпирической и методологической основами, поставленными в нем целями и решенными задачами.

Диссертация прошла обсуждение на кафедре корпоративного права федерального государственного бюджетного научного учреждения «Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации».

Основные выводы и предложения, сформулированные в работе, освещались в статьях в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в статьях, комментариях, опубликованных в иных изданиях. Они излагались в докладе на XV Европейско-Азиатском правовом конгрессе (Екатеринбург, 10 июня 2022 г.), в докладах на XVI Всероссийском форуме «Юридическая неделя на Урале» (Екатеринбург, 8 октября 2024 г., 9 октября 2024 г.), на XIII Петербургском международном юридическом форуме (Санкт-Петербург, 20 мая 2025 г.), на XVIII Европейско-Азиатском правовом конгрессе (Екатеринбург, 6 июня 2025 г.). Полученные в ходе работы материалы используются в ходе преподавательской деятельности по программам бакалавриата и магистратуры.

По результатам исследования опубликована монография.

Структура работы обусловлена поставленными в ней целью и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения и списка использованных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** раскрыты актуальность темы диссертации и степень ее разработанности, определена цель, задачи, объект и предмет исследования, его методология, обоснована научная новизна, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, показаны теоретическая и практическая значимость работы, степень ее достоверности и формы апробации результатов исследования, структура диссертации.

Первая глава «Правовые формы имущественного обособления в зарубежных и российском правовых порядках» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Обособление имущества через конструкцию юридического лица» с учетом положений российской доктрины, а также точек зрения зарубежных авторов показано, что юридическое лицо как один из способов управления имуществом может рассматриваться в качестве весьма эффективного правового средства, обеспечивающего сосуществование воле реальных лиц, входящих в состав этой организации в качестве владельцев капитала, а также воле нанятых управленцев и кредиторов. При этом анализ положений отечественной и зарубежной доктрины показал, что цель обособления имущества с помощью конструкции юридического лица — это в том числе его защита от самих учредителей (то есть от их личных кредиторов), что, в свою очередь, сохраняет ценность имущества для кредиторов юридического лица и третьих лиц.

И здесь интерес вызывают работы Г. Хансмана, Р. Краакмана и Р. Сквайра, по мнению которых смысл обособления общего имущества состоит в его разделении на части каждая из которых может самостоятельно обеспечивать интересы различных групп кредиторов. Изложенные в их работах идеи можно обозначить как теорию экранирования. В рамках этой теории выделяются два вида обособления имущества: подтверждающее (affirmative) и защитное (defensive).

Подтверждающее обособление адресовано кредиторам обособленного имущества (например, юридического лица), которые четко понимают объем и

границы имущества, из которого в первоочередном порядке будут удовлетворяться их требования. Здесь хорошо видна информационная функция обособления. Для целей нашей работы важно то, что подтверждающее обособление выражает связанность обособления с сохранением функционирующего бизнеса. Кредиторы владельца бизнеса не могут обратить свои притязания на имущество, ранее им обособленное, например, вложенное в компанию (бизнес).

Защитное обособление обуславливает недоступность всего имущества учредителя обособления для кредиторов, чьи требования связаны с обособленной частью. Поэтому защитное обособление, а точнее, правовые инструменты, обеспечивающие его высокую степень, вызывает критику в доктрине и наибольшие опасения у законодателя, который создает балансиры, с помощью которых недоступность личного имущества учредителя обособления становится относительной, а кредиторские притязания распространяются за границы изначального имущественного комплекса. Применительно к личному фонду таким балансиrom можно считать норму о субсидиарной ответственности учредителя фонда по его долгам в течение трех лет (в исключительных случаях – пяти лет) с момента учреждения фонда (п. 6 ст. 123.20-4 ГК РФ).

Здесь же выделены присущие конструкции юридического лица определенные особенности, показана разница между коммерческими и некоммерческими лицами.

Подчеркивается, что юридическое лицо, являясь, с одной стороны, способом контроля и снижения социальных (транзакционных) издержек, с другой стороны, генерирует так называемые агентские издержки. Иными словами, возникает агентская проблема, так как при отчуждении имущества для использования в предпринимательской деятельности его судьба попадает в зависимость от качества корпоративного управления.

Параграф 2 «Правовые формы обособления имущества, не влекущие создания отдельной юридической личности: опыт иностранных правовых порядков» посвящен выявлению специфики таких правовых инструментов

управления капиталом, как англо-американский траст, французская фидуция (fiducie), немецкое доверительное управление (Treuhand).

В основу конструкции **англо-американского траста** положено фидуциарное правоотношение, формируемое между учредителем траста и доверительным собственником (trustee, трасти) в пользу бенефициара – лица, в интересах которого осуществляется управление обособленным имуществом. К условиям действительности траста относятся определенность предмета и определённости объекта траста. Трасти является собственником имущества, управляет пулом имущества по своему усмотрению, но должен действовать добросовестно в интересах бенефициара.

Имущество траста обособлено от имущества управляющего трастом. Это объясняется с позиций права справедливости (equity), в соответствии с которым имущество траста принадлежит не управляющему, а бенефициару. Обособление имущества траста от собственного имущества управляющего делает траст недоступным для личных кредиторов управляющего.

К кредиторам траста можно отнести бенефициаров и управляющего, когда он реализует свое право на возмещение расходов, понесенных в связи с управлением трастом, напрямую из имущества траста либо доходов от управления им. В свою очередь, эти доходы также могут рассматриваться как имущество траста, поскольку при появлении сразу же включаются в его состав.

В отношении бенефициара траста действует защитное обособление, поскольку он, не являясь титульным собственником его имущества и не участвуя в его управлении, не может быть привлечен своим личным имуществом к ответственности по обязательствам, связанным с участием траста в обороте. Однако управляющий, исполнивший за счет своего личного имущества обязательства перед кредиторами, связанные с управлением трастом, получает право требовать возмещения понесенных расходов из состава имущества траста, а при его недостаточности – из личного имущества бенефициаров. Причем данное право управляющего может быть ограничено соглашением с учредителем или бенефициарами траста.

Международная модель траста появилась с принятием Гаагской конвенции о праве, применимом к доверительной собственности (трасту) и ее последующем признании 1985 г.

Особенностью этой модели является прежде всего то, что страны, ее воспринявшие, не имеют отдельной либо даже «вплетенной» в их правовой порядок системы норм, аналогичной английскому праву справедливости (*equitable jurisdiction*). Однако стандарты добросовестности, выработанные правом справедливости, применяются судами этих стран.

Основной довод против рецепции траста в континентальную правовую систему, в том числе российскую, – установление трастом двух одинаковых прав собственности на одно и то же имущество (вещь), что для континентальных правовых порядков неприемлемо. Передача отдельных правомочий управляющему не влечет за собой утраты права собственности, поскольку оно не исчерпывается этими правомочиями. Соответственно передача правомочий есть не отчуждение, а способ распоряжения правом собственности (Е. А. Суханов).

Во Франции получил развитие **институт *fiducie***. Фидуция возникает из договора, на основании которого имущество передается учредителем управляющему, но не становится частью его личной имущественной массы. Как английский трасти или немецкий *Treuhänder*, управляющий во французской конструкции обязан отделять полученное имущество от своего личного.

От траста французский инструмент отличается не только тем, что в соответствии со ст. 2012 Гражданского кодекса Франции фидуция устанавливается договором, но и тем, что имущество, передаваемое управляющему-фидуциарию, нечетко отделено от имущества учредителя и управляющего. С одной стороны, в ст. 2025 ФГК говорится, что обособленное имущество может быть источником погашения только тех требований, которые возникли из его хранения и управления им. Однако здесь же делается исключение для кредиторов учредителя, чьи права умышленно нарушены созданием фидуции, которое выступает как балансирующий механизм для недопущения злоупотреблений: если фидуциарного имущества недостаточно, то имущество учредителя фидуции становится общим залогом для

всех кредиторов. Договор о фидуции может переложить риск этой ответственности на управляющего либо ограничить его ответственность перед кредиторами лишь фидуциарным имуществом, однако такое ограничение распространяется лишь на кредиторов, выраженно принявших соответствующее условие.

В немецкой **конструкции Treuhand** лицо, обладающее имуществом на праве собственности, учреждает доверительную собственность над обособленной имущественной массой, которая должна быть фактически обособлена и от имущества самого управляющего. Имущество обособляется передачей в управление без образования юридического лица.

Управляющий обязан управлять переданным ему имуществом в интересах учредителя в соответствии с контрактом. Управляющий выступает юридическим собственником соответствующего имущества, причем учредитель такого управления, оставаясь экономическим собственником имущества, отвечает им по своим долгам в случае банкротства, платит соответствующие налоги и т. д. При банкротстве управляющего учредитель имеет право на исключение объекта управления из конкурсной массы управляющего.

В контексте нашего исследования важными характеристиками данных зарубежных конструкций являются: а) разделение собственности и управления; б) ограничение ответственности тех участников конструкции, которые имуществом не управляют (учредитель и бенефициары); в) «прикрепление» притязаний третьих лиц к фигуре управляющего, выступающего стороной обязательств и ответчиком.

В третьем параграфе «Характеристика некоторых российских правовых форм обособления имущества» анализируются такие специализированные способы имущественного обособления без образования юридического лица, как договор простого товарищества, инвестиционное товарищество, договор доверительного управления и паевой инвестиционный фонд.

Договор простого товарищества (договор о совместной деятельности) в доктрине признается единственным урегулированным ГК РФ договором об

объединении лиц. По нему двое или несколько лиц (товарищей) обязуются соединить свои вклады и совместно действовать без образования юридического лица для извлечения прибыли или достижения иной не противоречащей закону цели (п. 1 ст. 1041 ГК РФ). Другими словами, термин «объединение» связан не с субъектами (участниками) договора, но с их вкладами, усилиями и т. п., т. е. с объектами.

Анализ данного договора с позиций теории экранирования показал, что в этой конструкции присутствует подтверждающее обособление – общее имущество в слабой степени, но отделено от личных, не связанных с общим делом, кредиторов участника общей собственности. В свою очередь, защитное обособление в рамках конструкции простого товарищества полностью отсутствует, т. е. требования кредиторов, возникшие в связи с общей собственностью участников простого товарищества, могут быть обращены на личное имущество участников (ст. 1047 ГК РФ).

В **инвестиционном товариществе** обособление имущества имеет черты, обычно присущие юридическому лицу, но не общей собственности. Здесь налицо сильная форма защитного обособления имущества товарищей-вкладчиков, не являющихся управляющими товарищами, по определенным требованиям кредиторов общего имущества (безусловное исключение – общие налоговые обязательства – ч. 2 ст. 14 Закона об инвестиционном товариществе). При этом для конструкции общей собственности характерно отсутствие защитного обособления как такового. Так, в силу п. 3 ст. 14 Закона об инвестиционном товариществе личное (не переданное в имущественный пул товарищества) имущество участника защищено от требований общих кредиторов (кредиторов пула): по общим договорным обязательствам, контрагентами по которым являются субъекты предпринимательской деятельности, каждый товарищ, не являющийся управляющим товарищем, отвечает пропорционально и в пределах стоимости принадлежащей ему оплаченной доли в общем имуществе товарищей и не отвечает иным своим имуществом.

Договор доверительного управления имуществом (гл. 53 ГК РФ) до появления личного фонда справедливо считался функционально наиболее близким аналогом траста. Но в отличие от траста передача имущества в доверительное управление не влечет перехода права собственности на него к доверительному управляющему. Вместе с тем доверительный управляющий наделен широким кругом полномочий. Так, для защиты прав на имущество, находящееся в его доверительном управлении, он вправе требовать всякого устранения нарушения его прав (п. 3 ст. 1020 ГК РФ) и соответственно получает необходимые инструменты для защиты переданного ему в управление имущества.

В основе доверительного управления лежит договор с собственником, по которому управляющий совершает действия по управлению имуществом, руководствуясь при этом как интересами собственника, так и своим усмотрением.

В результате заключения договора образуются три имущественные массы: обособленное (управляемое) имущество, необособленное имущество учредителя и личное имущество управляющего. В данных отношениях участвуют лишь два субъекта, но в зависимости от оснований возникновения кредиторские требования распределяются между тремя (а не двумя) обособленными имущественными массами.

Личное (необособленное) имущество управляющего является источником погашения долгов, которые не связаны с управлением, либо если при вступлении в сделку, из которой такие долги возникли, управляющий не обозначил контрагенту свой статус лица, действующего в чужом интересе.

Своим личным имуществом отвечает перед своими кредиторами учредитель доверительного управления. Доступ к обособленному имуществу появится у личных кредиторов учредителя в случае его несостоятельности, поскольку в таком случае доверительное управление прекращается и имущество включается в конкурсную массу (п. 2 ст. 1018 ГК РФ).

Долги по обязательствам, возникшим в связи с доверительным управлением имуществом, погашаются за счет этого имущества. При его недостаточности взыскание может быть обращено на имущество доверительного управляющего, а

при недостаточности и его имущества – на имущество учредителя управления, не переданное в доверительное управление (п. 3 ст. 1022 ГК РФ).

Так проявляется подтверждающее обособление – для кредиторов имущества, обособленного в доверительное управление: они получают удовлетворение из этого имущества в приоритетном порядке. Причем для таких кредиторов неприменимы «экраны», предназначенные для защиты личного (или иного) имущества как управляющего, так и учредителя управления. Защитное обособление (по отношению к иному имуществу учредителя управления и управляющего) также присутствует, однако в слабой степени – при недостаточности обособленного имущества речь идет лишь о кредиторской очередности доступа к имуществу.

Паевой инвестиционный фонд может использоваться в качестве специальной юридической структуры для привлечения финансирования. Его создание обычно обусловлено желанием нескольких лиц объединить свое имущество для последующего инвестирования (абзац 1 ст. 1 Закона об инвестиционных фондах). Отличительная особенность отношений общей долевой собственности в конструкции паевого инвестиционного фонда – отсутствие у собственников преимущественного права приобретения доли в праве общей собственности (абзац 3 п. 2 ст. 11 Закона).

Юридически имущество фонда обособлено в силу п. 3 ст. 15 Закона об инвестиционных фондах, в соответствии с которым нельзя обратить взыскание по долгам владельцев инвестиционных паев, в том числе при их несостоятельности (банкротстве), на имущество, составляющее фонд. Сам пай в случае банкротства его владельца включается в конкурсную массу и реализуется посредством открытых торгов. При банкротстве управляющей компании имущество фонда остается нетронутым, поскольку от личных долгов управляющей компании оно также обособлено. Зато по долгам, возникшим в связи управлением фондом, при недостаточности имущества последнего взыскание может быть обращено на имущество управляющей компании. Однако далее, на имущество учредителей взыскание обращено быть не может (п. 2 ст. 16). Это защитное обособление

имущества, причем в сильной своей форме, характерной, например, для хозяйственных обществ.

Глава 2 «Общая характеристика модели личного фонда как способа удовлетворения частного интереса в обособлении имущества и управлении им» включает в себя три параграфа.

В параграфе 1 «Формирование российского законодательства о личных фондах» показано, что на развитие российского института личных фондов повлияли две социально-экономические тенденции. Первая (внутренняя) – появление у частных лиц имущества предпринимательского назначения и, как следствие, возникновение у них желания сохранить функциональное назначение и работающее состояние имущественных комплексов после своей смерти. Вторая (внешняя) – вызвала к жизни модель международного личного фонда и ускорила «появление» личного фонда в ГК РФ.

В 2015 г. был обсужден проект Федерального закона № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором предлагалась конструкция специального фонда. При этом его идея не исчерпывалась целями наследования имущества, обособляемого собственником через конструкцию фонда. Данная конструкция могла использоваться российскими гражданами и для организации благотворительной деятельности, в том числе для обеспечения продолжения такой деятельности после смерти основателя фонда (Л. Ю. Михеева). Важно отметить, что в иностранной правовой доктрине цель, лежащая «вне самого фонда», т. е. идеальная, связанная не только с содержанием наследников учредителя, зачастую рассматривается как непереносимое условие создания. В России при диспозитивном характере частноправового регулирования личный фонд идеальной цели может не иметь и создаваться для обеспечения интересов лишь конкретной семьи.

29 июля 2017 г. Президент Российской Федерации подписал Федеральный закон № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации», главным нововведением которого

явилась совершенно новая для российского наследственного права конструкция – наследственный фонд. Новелла предполагала создание фонда лишь после смерти собственника-учредителя, за что неоднократно подвергалась критике. В дальнейшем эти критические замечания законодателем частично были учтены, и возможность создания фондов при жизни учредителя появилась.

3 августа 2018 г. был принят Федеральный закон № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах». Изначально он определял правовое положение хозяйственного общества со статусом международной компании, зарегистрированного в едином государственном реестре юридических лиц в связи с изменением иностранным юридическим лицом личного закона в порядке редомициляции, права и обязанности его участников, особенности его деятельности, реорганизации и ликвидации. Однако уже 26 ноября 2019 г. в названный акт были внесены изменения, касающиеся статуса международного фонда, было дано его определение.

Прижизненная (по отношению к учредителю) конструкция управления частным капиталом, подразумевающая создание отдельной личности – в форме унитарной некоммерческой организации, – была введена в гражданское законодательство Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 287-ФЗ, в соответствии с которым с 1 марта 2022 г. граждане получили право на учреждение личного фонда.

В 2022 г. в главу 3 Закона о международных компаниях был добавлен параграф 2, в соответствии с нормами которого появилась возможность регистрации международного личного фонда (в том числе наследственного) в порядке редомициляции или инкорпорации на территории специальных административных районов.

Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Закон о международных компаниях были внесены изменения, ключевым из которых можно считать новую редакцию ч. 1 ст. 12.15, которая определяет международный личный фонд как личный фонд, зарегистрированный на

территории специального административного района в порядке редомициляции или инкорпорации. Положения ГК РФ и других федеральных законов о личных фондах применяются к международным личным фондам, если иное не предусмотрено правилами Закона о международных компаниях (ч. 7 ст. 12.15 Закона). И хотя Закон по-прежнему прямо не отвечает на вопрос, подлежат ли применению по отношению к учредителям международных личных фондов положения п. 6 ст. 123.20-4 ГК РФ о субсидиарной ответственности, нет оснований считать, что эти принципиальные для гражданского оборота положения не применяют к международным личным фондам.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что международный личный фонд есть разновидность личного фонда, сформированная под влиянием объективных политических и экономических обстоятельств в конкретный момент времени. Его существование будет оправданным до тех пор, пока перед участниками экономических отношений стоят задачи, решаемые с его помощью.

Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 237-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» регулирование личных фондов изменил. На наш взгляд, наиболее принципиальными являются следующие положения: 1) увеличен перечень источников получения личным фондом имущества; сегодня любое третье лицо (не только учредитель) может безвозмездно передать имущество в личный фонд (пп. 1 и 4 ст. 123.20-4 ГК РФ); 2) учредитель может ограничить в уставе собственное право на внесение при своей жизни изменений в устав, условия управления и иные внутренние документы личного фонда (абзац 5 п. 8 ст. 123.20-4 ГК РФ); 3) уставом личного фонда может быть предусмотрено применение иностранного права к отношениям с участием личного фонда, учредителя этого фонда, выгодоприобретателей этого фонда, а также лиц, входящих в состав органов этого фонда, если это отношения с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц либо отношения, осложненные иным иностранным элементом (п. 5 ст. 1202 ГК РФ).

Относительно этих нововведений можно сказать следующее.

Положение ГК РФ о возможности личного фонда безвозмездно получать имущество от третьих лиц открывает для его учредителя возможности для использования данной конструкции во вред своим кредиторам, так как он, не становясь юридическим собственником этого имущества, получает это имущество в свое экономическое господство.

В свою очередь, норма ГК РФ о возможности ограничить в уставе фонда право учредителя при жизни изменять устав, условия управления и иные внутренние документы личного фонда направлена на усиление автономии личного фонда от учредителя. Однако это правило требует балансировки путем предоставления учредителю права в судебном порядке вмешаться в управление фондом при появлении информации о совершении им действий, нарушающих закон или не соответствующих цели фонда.

В параграфе 2 «Личный фонд по российскому праву: соотношение с функционально схожими иностранными правовыми формами обособления имущества» показано, что личный фонд как российская правовая модель обособления имущества отвечает тем качественным характеристикам, которые присущи и англосаксонскому трасту, и французской фидуции, и немецкому доверительному управлению.

Исследователи сходятся во мнении, что обособление имущества в любой форме способно на долгое время исключить его из гражданского оборота или замедлить его использование. Поэтому английское право выработало несколько правил, направленных на то, чтобы не допустить исключение имущества траста из оборота на неопределенный либо чрезмерно длительный срок. В континентальных правовых порядках для решения этой проблемы также устанавливаются предельные сроки существования фондов. Ориентировочно они соответствуют жизни трех поколений (около века).

В России же предельный срок, на который личные фонды могут быть созданы, не установлен.

Одно из ключевых отличий российского личного фонда от зарубежного траста заключается в том, что имущество, передаваемое личному фонду,

становится принадлежащим фонду на праве собственности, а учредитель и бенефициары фонда не имеют вещных прав на его имущество. В этом проявляется согласованность конструкции личного фонда с континентально-правовой традицией отсутствия разделенной собственности. И здесь российский законодатель поступил достаточно последовательно: права на имущество у учредителя фонда прекращаются, полноправным его собственником является личный фонд – самостоятельная юридическая личность. Это, в свою очередь, демонстрирует высокую степень технической обособленности имущества – оно отделено от иного личного имущества учредителя. Тем самым создана модель, в соответствии с которой предполагается, что кредиторы проинформированы о действительном собственнике обособленной имущественной массы.

Проведенный анализ позволил изложить функциональный смысл личного фонда как правового института: 1) переданное в фонд имущество обособлено от прочего имущества учредителя и бенефициаров, в том числе в случае банкротства последних; 2) срок существования личного фонда не ограничен; 3) в личном фонде в наивысшей степени проявляется автономия воли учредителя: формулирование большинства положений о фонде законодатель оставил на усмотрение его создателя; 4) выгодоприобретатели личного фонда обладают различными правами (на получение имущества из фонда, на информацию), а также исковой защитой; 5) учредитель свободен в формулировании условий управления, в том числе в части выплат из фонда выгодоприобретателям.

В контексте соотношения личного фонда с функционально схожими иностранными формами обособления имущества важно подчеркнуть, что те же особенности присущи трасту. Сказанное служит еще одним аргументом в поддержку идеи об одинаковости социального запроса, удовлетворяемого различными способами обособления имущества, и в то же время о схожести проблематики, которую данные институты формируют.

В параграфе 3 «Личный фонд с позиций законодательства об обязательной доле в наследстве» отмечается, что бесконфликтная передача

имущества от одного поколения к другому и материальное обеспечение наследников – это цели, которые в той или иной степени преследует почти каждый собственник. И здесь интерес вызывает вопрос, как институт обязательной доли в наследстве соотносится с выбором собственника (в будущем наследодателя) при таком способе обособления имущества, как личный фонд.

В п. 1 ст. 1149 ГК РФ закреплено императивное правило, согласно которому несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, его нетрудоспособные супруг и родители, а также нетрудоспособные иждивенцы, подлежащие призванию к наследованию на основании установленных законом случаев, наследуют независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону (обязательная доля). Аналогичное правило действовало и в советское время. В этом выражается забота государства о несовершеннолетних детях и других нетрудоспособных наследниках, которые призываются к наследованию даже вопреки воле завещателя. Поэтому, институт обязательной доли в наследстве в доктрине принято обозначать как исключение из принципа свободы завещания. Признаки, характеризующие все категории обязательных наследников, – отсутствующая или ограниченная способность к труду.

В настоящее время в отечественном правопорядке продолжается тенденция к ограничению права на обязательную долю, т. е., как следствие, к обеспечению приоритета защиты воли завещателя и наиболее полной реализации прав наследников по завещанию.

Обязательная доля при создании наследственного фонда. Конструкция наследственного фонда в своей основе имеет завещание наследодателя (п. 1 ст. 123.20-8 ГК РФ). Это предопределяет соблюдение прав наследников, обладающих в силу закона правом на обязательную долю в наследстве. Тем не менее именно для этого случая законодатель в п. 5 ст. 1149 ГК РФ допускает отступление от императивного правила в отношении таких лиц (получения ими не менее половины доли, которая причиталась бы им при наследовании по закону).

Суть исключения из общего правила п. 1 ст. 1149 ГК РФ заключается в том, что наследодатель вправе указать обязательных наследников в качестве выгодоприобретателей наследственного фонда, и как выгодоприобретатели они могут получать доходы от деятельности фонда в установленном наследодателем объеме и порядке и такие лица по умолчанию утрачивают право на обязательную долю. И хотя автономия воли наследодателя при определении судьбы своего имущества на случай смерти по-прежнему неполностью ограждена от требований обеспечить интересы наследников, имеющих право на обязательную долю в наследстве, она становится более значимой для правопорядка. Если же такое лицо отказывается от всех прав выгодоприобретателя наследственного фонда в установленный для принятия наследства срок, за ними сохраняется право на обязательную долю. Однако суд может уменьшить ее с учетом указанных в п. 4 ст. 1149 ГК РФ обстоятельств.

В доктрине критикуются те оценочные понятия, которые использовал законодатель в п. 5 ст. 1149 ГК РФ, и в целом сама возможность отхода от безусловности права обязательного наследника, так как эта норма якобы нарушает конституционное право гражданина на частную жизнь. Однако анализ показывает, что положения законодательства, дающие суду возможность оценивать конкретные фактические обстоятельства и принимать решения, руководствуясь в первую очередь смыслом и назначением тех или иных правовых институтов в их взаимосвязи, не противоречат принципам, закрепленным в Основном Законе России.

В то же время закон прямо не разрешает ситуацию, когда наследодатель в принципе не называет обязательного наследника в качестве выгодоприобретателя наследственного фонда. Допустимо ли в этом случае расширительное толкование нормы о возможности суда уменьшить размер обязательной доли? Представляется, что и в этом случае суд должен обладать правом на снижение размера обязательной доли по правилам п. 5 ст. 1149 ГК РФ.

Обязательная доля при создании прижизненного фонда. При создании личного фонда учредитель при жизни передает ему определенную часть своего

имущества, которая становится собственностью фонда. После смерти учредителя фонд продолжает оставаться собственником имущества. Это имущество могло бы войти в наследственную массу, но в состав наследства входит только имущество, принадлежавшее наследодателю на день открытия наследства.

В доктрине высказано мнение, что при создании как прижизненного, так и наследственного фонда право на получение обязательной доли в наследстве сохраняется. Однако анализ норм, регулирующих институт личных фондов, позволяет сделать обратный вывод – в случае создания личного прижизненного фонда российский правопорядок позволяет учредителю полностью преодолеть правило об обязательной доле в наследстве. В регулировании прижизненного и наследственного личных фондов законодатель использует разные подходы, поскольку правило об обязательной доле в наследственном фонде может быть редуцировано судом, но не исключается.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что конструкция прижизненного фонда удовлетворяет правомерный запрос собственников на эффективное обособление и тем самым сохранение через поколения созданных ими бизнес-активов. Такая организация бизнеса способна создать условия для стабильной работы предприятий без интервенции наследников учредителя в его управление и притязаний на активы предприятия личных кредиторов учредителя и/или выгодоприобретателей. Поэтому в данном аспекте рассматриваемая правовая конструкция представляет собой ценность не только частную, но и публичную.

Глава 3 «Проблемы управления и ответственности в отношениях, возникающих в результате обособления имущества путем его передачи личному фонду» разбита на два параграфа.

В параграфе 1 «Проблемы управления личным фондом» автор, предлагая модель регулирования деятельности личного фонда, рассматривает ее в контексте реальных правоотношений.

Формирование органов личного фонда: взгляд сквозь призму автономии воли учредителя. ГК РФ оставляет учредителю фонда возможность

выстроить систему управления, которая бы соответствовала целям, масштабу и особенностям его деятельности, а также порядок назначения конкретных лиц в органы управления фонда. Это его право охватывается понятием частной автономии (п. 2 ст. 1 ГК РФ), одним из проявлений которой является договорная свобода.

В доктрине высказано мнение (Д. П. Заикин), что для предотвращения в фонде конфликта интересов возможно установить дополнительные требования к порядку формирования органов управления фонда, ограничивающие возможность назначения на должности в фонде определенных категорий лиц. Полагаем, что с такими ограничениями можно согласиться, поскольку они, хотя и ограничивают автономию воли собственника – лица, породившего фонд, позволяют исключить сосредоточение власти или ключевых полномочий в руках одного лица или группы лиц.

Личный фонд есть абсолютизированная воля его создателя, который как экономический собственник должен предвидеть, как будет осуществляться управление фондом, и нести риски наступления обстоятельств, которые он не предусмотрел. Поэтому законодатель, не вторгаясь во внутреннее устройство фонда, устанавливает лишь правила, которые относятся к конструктиву рассматриваемого института, ограничивая автономию воли собственника-учредителя личного фонда по организации управления своим имуществом (ст. 123.20-5 ГК РФ). Такие ограничения представляются исключительными и оправданными, так как введены для поддержания личного фонда как формы имущественного обособления в состоянии, способном к достижению целей, ради которых он создается.

Агентская проблема в ее преломлении в конструкции личного фонда. Ключевой предпосылкой к возникновению агентской проблемы является передача распорядительных правомочий лицу, действующему в интересах экономического собственника. При этом вероятность возникновения конфликта интересов между учредителем и управляющим личным фондом тем выше, чем более независимым от учредителя становится фонд при осуществлении своей

деятельности и чем больше объем усмотрения у лиц, входящих в его органы управления. Поэтому решить (смягчить) агентскую проблему при создании личного фонда помогут заранее продуманная система управления и четких правил, в соответствии с которыми фонд управляет переданными ему активами.

Анализ показал, что при создании личного фонда не будут эффективными стратегии, которые расширяют возможности его создателя. Во-первых, если учредитель фонда контролирует деятельность лиц, входящих в его органы управления, и имеет механизмы воздействия на их поведение, существует вероятность, что он будет действовать в собственных целях, но не целях фонда. Во-вторых, фактическая возможность собственника осуществлять контроль после передачи имущества личному фонду осложняется отсутствием у него распорядительной власти.

В зарубежной литературе отмечается, что эффективности контроля за деятельностью профессиональных управляющих будут способствовать: привлечение независимой стороны; создание системы, при которой возникнет здоровая конкуренция менеджеров («внутренний мониторинг»); стимулирование наемных менеджеров. В нашей стране функцию независимой стороны может выполнять, например, надзорный орган (абзац 2 п. 3 ст. 123.20-7 ГК РФ).

В личном фонде изначально существует высокая степень информационной асимметрии у разных участников соответствующих отношений (абзац 4 п. 8, п. 12 ст. 123.20-4 ГК РФ). С одной стороны, ограниченная доступность информации зачастую соответствует воле учредителя фонда, с другой – способствует увеличению агентских издержек. И здесь важным становится вопрос об информационных правах бенефициаров личного фонда.

По нашему мнению, право на информацию о деятельности есть предпосылка, необходимая для реализации бенефициаром его положения относительно фонда. В основе этого права лежит наличие разумного интереса субъекта права на информацию. Это позволяет сделать вывод о безусловности данного права, поскольку лишь оно дает бенефициару возможность защитить

свои интересы, выступает основанием для реализации ex post контроля соответствующих отношений.

Здесь же показано, что использование таких способов защиты интересов выгодоприобретателей, как возмещение убытков и оспаривание сделок, на практике может вызывать определенные трудности.

В параграфе 2 «Защита прав кредиторов при обособлении имущества путем его передачи личному фонду» отмечается, что собственник имущества, разделяя свои активы на части, или фонды, может придать каждому из них собственный правовой режим. Этот режим будет определять и порядок ответственности обособленным имуществом перед кредиторами.

Защита прав кредиторов учредителя личного фонда. Личный фонд (повторим) характеризуется наивысшей степенью подтверждающего обособления его имущества. Это означает, что личные кредиторы учредителя не могут обратиться за взысканием не только на имущество фонда, но и на его бенефициарные права (если таковые у него имеются). При этом анализ показал, что в отечественном правопорядке существуют три балансира, используемые при защите прав кредиторов собственника: публичность обособления, субсидиарная ответственность личного фонда, возможность признания учреждения фонда мнимой сделкой.

В работе эти балансиры рассмотрены, выявлена специфика их применения.

Защита прав кредиторов личного фонда. Личный фонд как способ имущественного обособления демонстрирует наивысшую степень защитного обособления – его учредитель и бенефициары не отвечают по долгам фонда своим личным имуществом. Это характерно для некоммерческих организаций.

По сравнению с кредиторами учредителя и выгодоприобретателя фонда кредиторы фонда находятся в наиболее безопасном положении, так как они всегда осведомлены, с кем именно вступают в правоотношения.

Для недобровольных кредиторов прижизненного фонда гарантией исполнения обязательств является значительный объем имущества, передача которого фонду требуется для его создания (п. 4 ст. 123.20-4 ГК РФ).

Помимо общих способов защиты кредиторам фонда доступна специфическая гарантия: в силу п. 6 ст. 123.20-4 ГК РФ учредитель личного фонда несет субсидиарную ответственность по обязательствам фонда при недостаточности его имущества. Причем использование механизма субсидиарной ответственности учредителя не зависит от его вины, банкротства и ограничено пресекательным сроком.

Защита прав кредиторов выгодоприобретателя. Согласно российскому закону выгодоприобретатель не отвечает по обязательствам личного фонда, а личный фонд не отвечает по обязательствам выгодоприобретателя (п. 6 ст. 123.20-6 ГК РФ). То есть на права выгодоприобретателя личного фонда взыскание по его обязательствам не может быть обращено (абзац 2 п. 1 ст. 123.20-6 ГК РФ).

При этом не вызывает сомнений то, что личные кредиторы выгодоприобретателя вправе обращать взыскание на поступившие ему доходы от деятельности личного фонда.

Права выгодоприобретателя связаны с его личностью и не могут переходить кредиторам в счет долгов. В этом смысле указанные права обладают абсолютным иммунитетом против кредиторов. Распределение имущества из личного фонда в адрес любого, кроме выгодоприобретателя, лица не будет иметь под собой той каузы, которая характеризует обязанность личного фонда перед выгодоприобретателем. При этом в случаях согласованных неправомерных действий фонда и выгодоприобретателя по невыплате последнему доходов исключительно в целях недопущения обращения на них взыскания его кредиторов такие кредиторы вправе подать в суд иск об обращении взыскания на имущественные требования выгодоприобретателя к фонду.

В **заключении** диссертации подводятся итоги проделанной работы, обозначаются перспективы дальнейшей разработки темы исследования.

**ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:**

Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК

1. Домшенко (Червец) Е. И. О сохранении бизнеса и экранировании имущества. Сравнение некоторых инструментов имущественного обособления / Е. И. Домшенко (Червец) // Юридический мир. 2021. № 9. С. 27–39 (0,98 п. л.).

2. Домшенко (Червец) Е. И. Обособление имущества без создания юридического лица. Простое товарищество и инвестиционное товарищество / Е. И. Домшенко (Червец) // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 30–58 (1,67 п. л.).

3. Домшенко (Червец) Е. И. Личные фонды: возможности и риски обособления имущества / Е. И. Домшенко (Червец) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 3. С. 115–136 (1,32 п. л.).

4. Домшенко (Червец) Е. И. Личный фонд – терра инкогнита российского законодательства о юридических лицах? / Е. И. Домшенко (Червец) // Юрист. 2023. № 4. С. 61–66 (0,40 п. л.).

5. Домшенко (Червец) Е. И. Соотношение личного фонда и обязательной доли в наследстве: дискуссионные вопросы / Е. И. Домшенко (Червец) // Нотариальный вестник. 2023. № 5. С. 47–56 (0,58 п. л.).

6. Домшенко (Червец) Е. И. Личный фонд – новый российский правовой инструмент для управления, сохранения и передачи наследуемого имущества / Е. И. Домшенко // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 2 (269). С. 78–92 (0,86 п. л.).

7. Домшенко (Червец) Е. И. Обособление имущества субъекта гражданского права как следствие утверждения индивидуализма и условие развития предпринимательства / Е. И. Домшенко (Червец) // Российский юридический журнал. 2024. № 3. С. 81–99 (1,09 п. л.).

8. Домшенко (Червец) Е. И. Развитие института личного фонда в России: 2015–2024 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. № 8. С. 137–156 (1,15 п. л.).

Научные издания

9. Червец Е. И. Личные фонды на стыке права и экономики: механизмы управления частным капиталом: монография. М.: Статут, 2025. 261 с.